

РАЗГОВОР ИЗ ПЯТИ УГЛОВ
Угол пятый:
Истины, которым человек помогает умереть

© доктор филологических наук В. Н. Базылев, 2000

Мысли свои он ловил, как мух, почти всегда безуспешно
М. Павич

Действительно, реальный мир не занимает привилегированного положения. Абсолютной истины нет, она зависит от наблюдателя и свидетеля событий. Но и помимо этого парадокс ощущается в том, что от лат. *virtus* — *истина* берет этимологическое начало виртуальность, которая ближе к языку, чем к реальности и, стало быть, более реальна, чем сама реальность. Дело в том, что существуют психологические вероятности, которые В. Паули однажды назвал "каталогами ожидания" (*Erwartungskataloge*). Это означает, что существует перечень предполагаемых событий, и возможно осуществить в определенных рамках расчет их вероятностного проявления. Божество играет с реальностью, а человек пытается исследовать ее, чтобы определить свое местоположение; описание внутренней и внешней реальной ситуации позволяет человеку в дальнейшем влиять на обстоятельства, но не в абсолютном каузальном понимании, т. к. каузальность — это лишь тенденция или преобладающая вероятность. Каузальность — это лишь один из способов мышления (один из когнитивных приемов), позволяющий мысленно охватить некоторую совокупность (поле) явлений, но не дающий доступа к глубинным основам: реально ли все это или ирреально. Иное дело так называемое синхронистическое мышление, или когнитивные стратегии (конstellationen), при которых охватывается и реальное и ирреальное — физическое и психическое: когда человека посещают те или иные мысли или сны, происходят те или иные внешние физические события, т. е. имеет место симпатический адрогин реальных и ирреальных событий. Хотя при каузальном мышлении и возникает проблема времени вследствие необходимости установления временной последовательности (до и после), данная проблема более значима при синхронистическом способе мышления в связи с наличием ключевого момента — некоторого момента времени, который является объединяющим, фокусирующей точкой для наблюдения за определенным комплексом событий. Так, при обращении и при общении с гадателями таким моментом времени станет безвыходная ситуация, состояние эмоционального напряжения, но

отнодь не состояние благополучия, когда нет причин для серьезного беспокойства. Тогда можно говорить о переходе человека из обыденного состояния сознания в измененное состояние сознания — от сновидений до шизофрении и психоза, от наркотического или алкогольного опьянения до параноидального бреда, до изменения восприятия мира под влиянием стресса, что является следствием пространственного и временного от-граничения.

— У человека есть мир, в котором он живет, — назидательно сказал сирруф. — Человек является человеком потому, что ничего, кроме этого мира, не видит. А когда ты принимаешь сверхдозу ЛСД или обедаешь пантерными мухоморами, что вообще полное безобразие, ты совершаешь очень рискованный поступок. Ты выходишь из человеческого мира, и, если бы ты понимал, сколько невидимых глаз смотрит на тебя в этот момент, ты бы никогда этого не делал. Е если бы ты увидел хоть малую часть тех, кто на тебя при этом смотрит, ты бы умер со страху. Этим действием ты заявляешь, что тебе мало быть человеком и ты хочешь быть кем-то другим. Во-первых, чтобы перестать быть человеком, надо умереть. Ты хочешь умереть?

— Нет, — ответил Татарский и искренне прижал руку к груди.

— А кем ты хочешь быть?

— Не знаю, — сокрушенно сказал Татарский.

— Но ты-то зачем его съел?

— Хотел оцутить биение жизни, — сказал Татарский и всхлипнул.

— Биение жизни? Ну оцутти, — сказал сирруф. (Виктор Пелевин. Generation "П").

Человек идет к гадалке: он хочет, чтобы ему объяснили вероятности в последовательности событий; он хочет вернуться через измененное состояние сознания в обыденное, вернуться в реальность, в свою реальность, к своему каталогу ожидания.

... гадалка взяла руку соседа. Смела, конечно, с ладони всякую производственную чепуху. А то, дескать, никаких линий не видать. Нашла руку ничем не замечательной и потому предсказала скорый мордобой в доме, который в дальнейшем и произошел. (Михаил Зощенко. Хиромантия).

Для наилучшего прочтения ситуации в определенный момент времени приняты различные техники: техники установления симпатии между реальностью и виртуальностью (по принципу *Wahlerwandschaften*). Можно вначале рассмотреть реальные события, а затем создать выразительную модель настоящего-будущего (в гадании на картах, например); при этом поведение человека может быть/стать/оставаться либо реальным, либо виртуальным: он либо симпатизирует ситуации (принимает ее, подстраивается под нее), либо симпатизируется ситуацией (изменяет ее под себя).

Гадалку — клиенту: В переднем нижнем углу 8 трэф — ваш дом, и 8 бубен — в вашем доме будет много говорить о деньгах. Вот и все, что выпало вам в этот раз. Не особенно содержательно, и главное я вижу, что вы одиноки (король трэф совершенно отсутствует), возле вас даже не видно близкой дамы, не видно общества; нет ни больших горестей, ни радостей, ни вообще тревожений. Но — это и лучше! (Друг тоскующих. М., 1899).

Но можно сначала строить интуитивную модель, из которой выводятся внешние и внутренние события. Будут ли они реальными? Может быть, да! Можно убедить себя, что день будет удачным, поскольку утром в спальне светило солнце. Роман Милорада Павича "Последняя любовь в Константинополе" создан, например, как последовательность карт таро: первично заданная, она задает судьбы персонажей.

А Тэффи (Н. А. Лохвицкая), сравнивая реальность жизни и реальность того, что выходит из-под пера сочинителя, скажет:

— У писателя почти всегда хороший культурный вкус, чувство меры, тактичность. У жизни ничего этого нет, и валяет она прямо, без запятых. ... Подлинные происшествия нужно перерабатывать в литературные произведения, старательно подлаживая их под те требования, которые мы желаем предъявлять к жизни... Недавно я была поражена, до чего грубо и безвкусно острит жизнь. А раз эта блестящая выдумка принадлежит самой жизни, все относятся к ней с какой-то трусливой почтительностью. Жизнь, как беллетристика, страшно безвкусна. Красивый, яркий роман она может вдруг скомкать, смять, оборвать на самом смешном и нелепом положении, а маленькому дурацкому водевилю припишет конец из Гамлета... Но что поделаешь, если выдуманная правда гораздо жизненнее настоящей!

К этому она добавит, как работала над святочным рассказом о дантисте, или прочитала о судебном процессе, в котором фигурировали двое юнкеров-кавалеристов — Кобылин и Жеребцов. Или же опишет случай, как к ней пришла дама и сказала:

— А я читала, как вы меня передернули.

— Я? Вас? Когда?

— Нечего! Нечего! Ведь вы же написали, что одна толстая дама сломала зонтик, а я как раз вчера сломала.

— Так ведь я два месяца назад тому написала, не могла же я предвидеть, что это с вами случится!

— Ах, не все ли равно, когда это случилось — вчера, два месяца тому назад? Важен факт, а не время. Стыдно... (Р. А. Тэффи. Жизнь и темы).